

Литературная газета

ПОД РЕДАКЦИЕЙ В. БАГРИНКОГО, А. ВОЛОТНИКОВА, М. КОЛЬЦОВА, В. ЛИДИНА, А. СЕДИВАНОВСКОГО, И. СЕВЬЯНСКОГО, М. СУВОЦКОГО, М. СЕРЕБРЯНСКОГО, М. ЧАРНОГО, Е. УСИЕВИЧ.

ВЧЕРА НАЧАЛИСЬ ПРЕНЕНИЯ ПО ДОКЛАДУ А. М. ГОРЬКОГО И СОДОКЛАДАМ

РЕЧЬ тов. ДЖАВАХИШВИЛИ

РЕЧЬ тов. ЛЕОНОВА

Прежде всего я хочу напомнить о постановлении ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г., глубокое значение которого не вполне еще оценено нами.

Наша задача отобразить в литературе новый мир, нового человека и создать новый стиль.

Литература капиталистического мира, вне всякого сомнения, давно идет к закату, идейно литература капиталистического мира уже выдохлась.

Вчера я прочитал доклад 1-му съезду писателей от читателей библиотеки города Ростова-на-Дону.

«Писать больше о любви, о браке, расквитаться с прошлым, не превеличавая, но и не умаляя его роли... Дайте яркое, незабываемые типы героев нашего времени, и положительных, и отрицательных...»

В наказы очень много полезных советов и справедливых требований. Повидному, почти во всех частях нашего обширного Союза вкусы читателей одинаковы.

Там и там еще раздаются голоса о запертых темах. А, по-моему, в плане социалистического реализма можно писать обо всем: о любви, о семье, о стройке, о прошлом, настоящем, будущем, но писать прежде всего убедительно, т. е. правдиво, искренно и с полным знанием материала.

Все мы знаем русских и нерусских писателей, работающих по несколько лет над одним романом.

расширивать старожилы, собирать фольклорный материал, внимательно прочитать десятки книг, рукописей, и все это для того, чтобы написать одну книгу.

Великий лозунг Сталина о социализме возлагает на писателя новые обязанности.

Литература народов нашего Союза, в частности грузинская, при переводе на русский язык теряет в стилистическом отношении обычное.

После тов. Джавахишвили слово предоставляется т. Ф. Гладкову.

Тов. Гладков говорит о всевозможном съезде писателей, как об огромном событии в истории культурного строительства нашей социалистической родины.

— Никогда еще нам на наших писательских встречах не приходилось слышать такого мудрого, содержательного доклада, — указывает т. Гладков.

Характерны основные процессы нашей действительности, процессы, которые дают полное основание утверждать, что героизм стал у нас бытовым повседневным явлением.

Характерны основные процессы нашей действительности, процессы, которые дают полное основание утверждать, что героизм стал у нас бытовым повседневным явлением.

Трудно, конечно, творить, — заявляет т. Гладков, — не видя перспек-

должны, наконец, принять энергичные меры, чтобы при переводе наших произведений на русский и другие языки Советского Союза потеря была бы минимальной.

Грузинская литература имеет 15-вековую историю. Мы имеем таких предков, как непревзойденный Шота Руставели, великий Бараташвили, Гурамидзе, Назбаг, Чачвадзе, Церетели, Важа Пшавела.

Когда говорят о сближении народов Советского Союза путем перевода их произведений, то обычно имеют в виду перевод с русского языка на язык других народов и обратно.

Наша задача отобразить в литературе новый мир, нового человека и создать новый стиль.

Тов. Гладков подчеркивает, что перед советским искусством с особой остротой стоят следующие три проблемы.

Во-первых, проблема титла. Некоторые писатели склонны подменять ее проблемой портрета.

Во-вторых, проблема титла. Некоторые писатели склонны подменять ее проблемой портрета.

Во-первых, проблема титла. Некоторые писатели склонны подменять ее проблемой портрета.

книги, принадлежавших советским писателям. Я не знаю, сколько из этого количества книг принадлежит нерусским авторам, но я знаю, что среди них не имеется ни одной грузинской книги.

вовсе не низким качеством современной грузинской литературы. Некоторые образцы современной грузинской прозы были переведены в порядке частной инициативы, другие — без разрешения авторов.

Отныне советские писатели всех народов Советского Союза еще теснее сплотятся в единую мощную семью.

Именно это обстоятельство заставляет страну предъявлять особые повышенные требования к нашим произведениям.

Во-вторых, проблема титла. Некоторые писатели склонны подменять ее проблемой портрета.

Во-вторых, проблема титла. Некоторые писатели склонны подменять ее проблемой портрета.

Во-вторых, проблема титла. Некоторые писатели склонны подменять ее проблемой портрета.

Во-вторых, проблема титла. Некоторые писатели склонны подменять ее проблемой портрета.

Наша задача отобразить в литературе новый мир, нового человека и создать новый стиль.

Именно это обстоятельство заставляет страну предъявлять особые повышенные требования к нашим произведениям.

Именно это обстоятельство заставляет страну предъявлять особые повышенные требования к нашим произведениям.

Именно это обстоятельство заставляет страну предъявлять особые повышенные требования к нашим произведениям.

Именно это обстоятельство заставляет страну предъявлять особые повышенные требования к нашим произведениям.

Именно это обстоятельство заставляет страну предъявлять особые повышенные требования к нашим произведениям.

Именно это обстоятельство заставляет страну предъявлять особые повышенные требования к нашим произведениям.

Именно это обстоятельство заставляет страну предъявлять особые повышенные требования к нашим произведениям.

еще только через орнаментальную прозу, вычурную словесную вязь, как ребята, радуйся лару повторять громовые слова взрослых.

Итак, надо сделать вещи достойные времени! Выполнить это очень трудно, мы знаем все это по собственному опыту.

Итак, надо сделать вещи достойные времени! Выполнить это очень трудно, мы знаем все это по собственному опыту.

Итак, надо сделать вещи достойные времени! Выполнить это очень трудно, мы знаем все это по собственному опыту.

Итак, надо сделать вещи достойные времени! Выполнить это очень трудно, мы знаем все это по собственному опыту.

Итак, надо сделать вещи достойные времени! Выполнить это очень трудно, мы знаем все это по собственному опыту.

Итак, надо сделать вещи достойные времени! Выполнить это очень трудно, мы знаем все это по собственному опыту.

Итак, надо сделать вещи достойные времени! Выполнить это очень трудно, мы знаем все это по собственному опыту.

еще только через орнаментальную прозу, вычурную словесную вязь, как ребята, радуйся лару повторять громовые слова взрослых.

Итак, надо сделать вещи достойные времени! Выполнить это очень трудно, мы знаем все это по собственному опыту.

Итак, надо сделать вещи достойные времени! Выполнить это очень трудно, мы знаем все это по собственному опыту.

Итак, надо сделать вещи достойные времени! Выполнить это очень трудно, мы знаем все это по собственному опыту.

Итак, надо сделать вещи достойные времени! Выполнить это очень трудно, мы знаем все это по собственному опыту.

Итак, надо сделать вещи достойные времени! Выполнить это очень трудно, мы знаем все это по собственному опыту.

Итак, надо сделать вещи достойные времени! Выполнить это очень трудно, мы знаем все это по собственному опыту.

Итак, надо сделать вещи достойные времени! Выполнить это очень трудно, мы знаем все это по собственному опыту.

соф не может не быть солдатом, готовым ежеминутно заштырить свою идею, а наш солдат — я говорю о высоком авантюристе — разве он не поэт во все периоды своего существования?

Итак, надо сделать вещи достойные времени! Выполнить это очень трудно, мы знаем все это по собственному опыту.

Итак, надо сделать вещи достойные времени! Выполнить это очень трудно, мы знаем все это по собственному опыту.

Итак, надо сделать вещи достойные времени! Выполнить это очень трудно, мы знаем все это по собственному опыту.

соф не может не быть солдатом, готовым ежеминутно заштырить свою идею, а наш солдат — я говорю о высоком авантюристе — разве он не поэт во все периоды своего существования?

Итак, надо сделать вещи достойные времени! Выполнить это очень трудно, мы знаем все это по собственному опыту.

Итак, надо сделать вещи достойные времени! Выполнить это очень трудно, мы знаем все это по собственному опыту.

Итак, надо сделать вещи достойные времени! Выполнить это очень трудно, мы знаем все это по собственному опыту.

Итак, надо сделать вещи достойные времени! Выполнить это очень трудно, мы знаем все это по собственному опыту.

СЪЕЗД ПИСАТЕЛЕЙ — НАРКОМУ ОБОРОНЫ тов. К. Е. ВОРОШИЛОВУ

Дорогой Клементий Ефремович!

Первый всесоюзный съезд советских писателей, собравший 500 представителей многонациональных советских литератур, рожденных в огне Октябрьской революции, закатанных в гражданскую войну и окрепших в решающих битвах двух социалистических пятилетий, шлет вам, железному наркому обороны, вождю героической Красной армии, защитнику мира и развития всего человечества, свой взволнованный, из глубины сердца идущий привет!

Наше обращение к вам и к Красной армии для нас особенно знаменательно. Красная армия — семья и школа большинства из нас. Красная армия сформировала нашу юность и выводила нас на широкий житейский путь.

В этих книгах мы показали пролетариату Союза и международному пролетариату бойцов, командиров и комиссаров Питера, Дальнего Востока, Сибири, Урала, Урало-Кавказского и Средней Азии, облики и имена этих людей запечатлены литературой навсегда.

Большинство из нас сейчас не в армейских рядах, но вновь виден противник, и мы ставим себе целью дать новые мобилизующие книги и в них возвысить голос в защиту высших и лучших целей, носителями которых является пролетариат.

Писатели Союза советских социалистических республик заявляют, что страна и армия получат на вооружение новые образцы литературы.

Писатели покажут современную Красную армию, скромных, простых и героических ее бойцов, высокий и чистый моральный их облик, высокую идейность и силу этой армии, силу, которая не может быть ни с чем сравнима.

Мы ставим себе целью дать книги о верных пути винах, вскрыть начисто их сил, противочеловеческие их цели и показать, как в тылах капиталистических армий готовятся к бою союзные нам пролетарские силы.

Писатели Союза советских социалистических республик заявляют, что если понадобится защитить великую родину от вооруженного нападения, то по первому зову партии и правительства писатели вновь пойдут в боевые ряды армии. В нас живы все — от первой до последней — боевые благородные традиции Красной армии, одна из которых: «Бить врага так, чтобы он не опомнился». Мы попреем вам, наш боевой нарком, и готовы к дальним походам.

Мы поднимаем наш клич: «Да здравствует родная Красная армия, — наша любовь и наша гордость!»

Продолжение на 2 стр.

ПРЕНИЯ ПО ДОКЛАДУ А. М. ГОРЬКОГО И СОДОКЛАДАМ

РЕЧЬ тов. ШИРВАНЗАДЕ

Бурными овациями встретил съезд писателей старшего армянского писателя, 76-летнего Александра Ширванзаде, чью 50-летнюю литературную деятельность недавно торжественно отпраздновала вся литературная общность советской Армении.

С подкупающей искренностью и простотой говорит т. Ширванзаде о том счастье, которое он испытывает в последние годы, будучи свидетелем раскрепощения его народа, невиданного расцвета культурной и хозяйственно-экономической жизни его

страны, его литературного возрождения.

— За 14 лет существования у нас советской власти облик моей страны стал неузнаваемым, от дашнакской Армении не осталось и следа. Вместо прежних хибарок, погологной безграмотности, отсталости, культурной ограниченности — дворцы, дома отдыха, школы, вузы, театры, музеи, всеобщая грамотность и такое литературное цветение, какого Армения не знала в предшествующую эпоху. Правда, эта литература еще отстает от социалистической действительности, быть может даже больше, чем литература какого-либо другого народа в нашем Союзе. Но обрисованы это именно поразительнейшими темами роста нашего хозяйства, всего нашего культурного фронта. Тут уж угадывать не так легко. Необходимо максимум напряжения нашей творческой воли, необходимо теснейшее объединение всех художников, желающих активно участвовать в борьбе за счастливую человеческую жизнь. Мы добьемся решающих успехов на фронте литературы, как и на всех других фронтах. Я в этом не сомневаюсь. Я верю, что мне еще придется быть свидетелем многих радостных побед. Эта уверенность дает мне, как вся окружающая меня действительность, много бодрости, силы и молодости. Недаром многие удивляются этой моей бодрости и молодости. Они не понимают, что причина этого в том, что я живу в советской стране.

— Живу и собираюсь еще пожить, — заключает т. Ширванзаде под бурные аплодисменты всего съезда.

РЕЧЬ тов. ВЕЙСКОПФА

Начав свое выступление на немецком языке, революционный писатель Германии т. Вейскопф сейчас же переходит на русский, которым он, следует признать, овладел уже в достаточной степени.

— Я говорю на русском языке, — заявляет т. Вейскопф, — для того, чтобы подчеркнуть, как близки мы нашему сердцу. Мы здесь гости только по форме, а по существу мы равные участники обсуждения

правильных вопросов обсуждения всех нас волнующих вопросов советской революционной литературы.

Тов. Вейскопф говорит об огромном влиянии советских писателей на зарубежную революционную литературу.

— Еще мальчиками все мы читали Максима Горького, у него получали первую науку зарядку, по произведению Гладкова, Фадеева, Либенского, Ставского, Леонова, Огенева, Соффуляни, Панферова, Шолохова и многих других советских художников мы узнавали и узнаем советскую жизнь, постигали особенности тех процессов, которые протекали в советской стране в различные периоды ее существования. Литература эта воспитывала нас, вдохновляла, помогала нам углублять свое революционное мировоззрение.

— Но, — оговаривается т. Вейскопф, — если я говорю о влиянии советской литературы, то я имею в виду влияние тематического и идеологического порядка. О влиянии формальном говорить пока еще, к сожалению, не приходится. Но я надеюсь, что это не заставит себя долго ждать, так же как не очень заставит себя ждать день нашего совместного обсуждения творческих вопросов на съезде писателей советской Германии.

Последние слова оратора были приняты продолжительными аплодисментами.

РЕЧЬ тов. КОЛАСА

Первую часть своего интересного, политически-заостренного выступления народный поэт БССР тов. Я. Колас посвящает характеристике белорусской поэзии дореволюционного периода, поэзии, насыщенной прозаическими мотивами безысходной тоски, обреченности, мессинанизма, что обуславливалось тяжелым, бесправным положением белорусского народа, захваченного в тисках русификаторской политики царизма.

Этим мотивом отдало даже почти все старое поколение белорусских писателей.

Новую белорусскую литературу начали строить молодые силы, закаленные в огне революции и гражданской войны. Приход целой плеяды молодых поэтов и прозаиков — Александровича, Кузьмы Чорного, Головача, Зарецкого и т. д. — ознаменовался поисками новых путей, новой тематики, борьбой за новые формы.

На этой стадии своего развития белорусская литература становится ареной упорной классовой борьбы на два фронта: с белорусским национализмом и с тенденциями великодержавности.

— Но сейчас, — констатирует белорусский народный поэт, — классовый враг разбит. Наша литература, под руководством большевистской партии, преодолевает трудности, неуверенно идет по пути творческого роста. Вся писательская масса решительно и крепко перестроилась, став твердо на позиции советской литературы, и мы с удовольствием можем отметить сдвиг писателей о наших белорусских достижениях. Но мы на этом не останавливаемся. Мы хотим идти вперед по пути совершенствования наших художественных произведений, по пути овладения искусством художественного изображения нашей великой эпохи во всей ее сложности и многогранности. Нас волнуют вопросы художественного стиля, вопросы сюжетного построения наших произведений, социалистического реализма, художественной полно-

тотности, время от времени выступают в своей прессе с гневными и клеветническими заявлениями о результатах ленинской национальной политики и в мероприятиях советской власти в БССР.

— О чем же хлопочет, из-за чего существует эта жалкая мошара, лицемерно и самолюбиво выступающая и именами непримиримого не белорусского народа. Она пишет об уничтожении белорусской культуры, белорусского языка, интеллигенции, о тяжелом безысходном положении Лики Куралы и других крупнейших поэтов БССР. И при этом она умалчивает о том, что ту сторону пограничных столбов белорусский язык не врывают, что там идет жестокая колонизация, идет колонизация белорусских земель путем так называемого «услабительства», что белорусские школы разгромлены, что за белорусское слово, мечаяно произносимое в школе, налагается штраф, что белорусская поэзия умерла, умалчивают о том, что все самое живое и талантливое там связано с челями трудового народа, загнанного в подполье, что сам этот трудовой народ вливает там жалкое, нипещеское существование.

Итог поворот их лжи и клеветы? Никто не поверит им и обмануты они будут сами.

Страстно звучат заключительные слова речи т. Коласа:

— От имени писателей Белоруссии я заявляю здесь, перед лицом писательской общественности Союза и присутствующих здесь писателей Запада и Востока, о нашем презрении ко всем этим клеветникам, «секундариам» о судьбах белорусского народа и его национальной культуры. Белорусская советская культура, национальная по форме и социалистическая по содержанию, движется, несмотря на волю зарубежного фашизма, вперед и победит, как органическая часть всей социалистической культуры, возникающей в нашей великой советской стране.

РЕЧЬ тов. ЕРМИЛОВА

Тов. Ермилов говорит о широком развитии массового народного творчества в нашей стране.

— С небольшим преувеличением можно сказать, — говорит т. Ермилов, — что у нас сейчас идет процесс развития нашей страны. Поэтому одним из недостатков заслуженных нами докладов о литературных национальных республиках Советского Союза является то, что докладчики недостаточно останавливались на развитии народного творчества.

Тов. Ермилов, руководивший работой уzbekistanской бригады всесоюзного Оргкомитета, рассказывает о том, как, объезжая кишлаки, члены бригады поехали на собрание колхозников, посвященное XVII съезду партии. На этом собрании — в колхозе «Красная звезда» — в промежутках между речами ораторов оркестр, состоящий из местных колхозников, играл песни, написанные одним из колхозников. Песни эти с большим подспорьем принимали участники собрания. И вот Виктор Гусев, один из членов оргкомитетской бригады, записал их.

Прочитав песню, сложившую тему же колхозниками, — Песню басмачу, т. Ермилов с полным основанием заметил, что в этих стихах узбекских колхозников чувствуется такой накал классовой ненависти, до которого

редко можно подняться в своем творчестве многие наши поэты.

Ленинские письма, обращения различных трудовых коллективов и отдельных иеродов строителей социализма, так часто в последние время появляющиеся на страницах нашей печати, также являются свидетельством огромного культурного роста масс. Все эти замечательные документы тоже являются своеобразными зарисовками народного творчества. Художник все чаще выступает у нас как организатор этого массового народного творчества, создавая такие замечательные книги, как «Лили СТЗ», «Четыре поколения» и так точно что выходящая книга рассказов летчиков-героев Советского Союза, прини малых неокрепших участие в создании авторским коллективом книги о спасении челюскинцев. Мы являемся свидетелями того, как осуществляется ленинская мысль: искусство все шире уходит своими корнями в народные массы. Поэтому величайшей ошибкой была бы синхронизация критика, осуждения, всякого рода посябления по отношению к этому творчеству масс. Между тем традиция этого синхронизации рабочего класса еще живы в среде нашей критики.

За годы первой и второй пятилетки появились в нашей литературе новые имена, молодые талантливые писатели. Их замечательная особенность состоит в том, что, будучи органически связаны с народными массами, они несут на своих плечах качества советской литературы. В числе таких авторов т. Ермилов называет, например, Ильина и Авдеева. Он называет также имя присутствующей в съезде старшей звезды старейшей работницы, партизанки Аграфены Карваковой, чья выходящая сейчас в свет книга «Моя жизнь» по праву может быть названа «книгой народной жизни», разоблачающей эксплуатацию пролетариата при царизме.

Однако и в отношении таких авторов, которыми мы в праве гордиться, мы открыто должны говорить о том, что их книги еще не являются произведениями подлинного мастерства.

Подчеркивая крепкую связь искусства с массами, т. Ермилов отме-

чает, что Алексей Максимович выступил на съезде как защитник творчества народных масс, замечательнейшего до революции буржуазного историографами и литературоведами.

С процессами подема народного творчества связаны и творческие процессы в рядах советского писательства. Полный ряд талантливых писателей решительно прочищается с прежними своими позициями наблюдателей действительности. Проявления этих сдвигов служат также проявлением, появившимся в последнее время в нашей литературе, как «Стройный юноша» Олени, «День второй» Эрнбурга, «Похищение Европы» Федина. Тов. Ермилов называет далее имена Слонимского и Тихонова, заключающая свою речь констатацией великого творческого единства советских писателей, ряды которых сверкаются радостным чувством родины, о своем отрывке в которой они могут сказать словами поэта Прокофьева:

В Промисеях, Ладоге и Вятке
О тебе, страна моя, помю.
И скрепиться руки, как
на клепку,
На железном имени твоём...

РЕЧЬ тов. ШКЛОВСКОГО

Основной темой краткого выступления т. Шкловского являлась тема прелестного гуманизма в литературе.

— Это было 15 лет назад, Александр Блок говорил о кризисе гуманизма. Вот или забытый Аким Волынский и сказал, что гуманизм будет существовать в неадекватном виде. И тогда Горький сказал:

— Это спор на многие десятилетия.

Сегодня Горький говорит о прелестном гуманизме. Мы стали единственными гуманистами мира. Мы говорим теперь о сентиментализме, чувствительности сегодняшнего дня. После режис, суровых книг мы пишем сейчас о чувствах, которые класс начал ценить в себе. Точно так же была когда то чувствительна и молодая буржуазия. Но мы должны, конечно, научиться писать о своих чувствах лучше и крепче, чем буржуазия. Я часто упрекал молодых писателей, я упрекал Кассия по телефону: почему он так весело и так счастливо пишет. Сейчас я думаю, что его чувствительная веселость это — сентиментализм, еще не ставший романтизмом.

Товарищи, в этом зале слышат звуки. Это потому, что слишком мало драматургов. На наших сценах иногда играют верхи, потому что мы их построили без критиков. Мы — в частности, бывшие дефоны — сняли в жизни повесное, думали, что это искусство. Мы, будущие конструктивисты, создали какую-то конструкцию, которая оказалась неконструктивной. Мы недооценили человечности и всечеловечности революции. Маяковский, имя

которого должно быть здесь произнесено, Маяковский, без упоминания о котором не может пройти съезд советских писателей, виноват не в том, что он стрелял в себя, а в том, что он ставил «на горло собственной пещере». Он не понял, что революция нужна не только для тех, кто не нуждается в жизни.

Тов. Шкловский считает, что, хотя для переводной литературы человечество мы еще сделали мало, но не нужно на съезде заниматься подсчетами. — Нам нужен прогноз, нужен план, нужно предвидение будущего, нам нужно научиться писать не только для себя, но и вместе с теми товарищами, которые приехали к нам с Запада — для всего мира, во имя нового гуманизма — против нового средневековья.

РЕЧЬ тов. МИЦИШВИЛИ

Значительную часть своего выступления т. Мицишвили посвящает анализу путей развития грузинской культуры и литературы и тех влияний, которыми она подвергалась на определенных этапах своего существования. С конца XVIII века сильное влияние оказала на грузинскую культуру и литературу так более укрепилась своя ведущая роль, что отчасти джиджиджид идея современности стал Советский союз. Это влияние испытывают и другие народы СССР. При этом следует констатировать одну особенность.

Ослабленные за период самодержавия литературные силы народов Союза, в особенности некоторых культурно-отсталых республик и областей, пока не в состоянии творчески овладеть темпами истинно современной культуры, и стоят перед опасностью превратиться в копию русских образов, что неизбежно снижает творческие потенции этих интеллигенции в их борьбе как за новое содержание, так и за национальную форму.

Тов. Мицишвили останавливается на вопросе о взаимодействии культур народов СССР. Советская социалистическая литература должна быть синтезом творческих усилий всех народов Союза, результатом постоянного взаимодействия национальных культур. Следует, однако, признать, что до сих пор еще не удалось установить культурные связи между народами, обеспечить действительный обмен творческим опытом.

Не может не волновать такая серьезная проблема, как проблема кадров. — Недостаточные темы подготовки литературы молодью, — говорит т. Мицишвили, — а также отсутствие систематической борьбы за подготовку теоретической учебы, за практическую квалификацию молодых литературных сил старого и нового призыва, особенно остро дает себя чувствовать в Грузии. Недооценка этих моментов угрожает грузинской литературе гораздо больше, чем это может показаться на первый взгляд. Необходимо повысить темы выращивания новых литературных кадров, необходимо позаботиться о создании условий для творческой работы.

Касаясь вопроса о языке, т. Мицишвили подчеркивает, что легкомысленное отношение критики к этому вопросу, в частности к вопросу о классическом литературном наследстве, является большой опасностью. Вплоть до самого последнего времени в Грузии не велось почти никакой работы по изучению творчества грузинских классиков так, как это делается в РСФСР в отношении Го-

голя, Толстого, Саагуба-Щедрина и других, не говоря уже о Пушкине. Только недавно вопросы эти включены в учебные программы грузинских вузов. Это следует всемерно приветствовать.

И еще одна серьезная проблема — издательская, проблема создания национального фонда на национальных языках.

— Национальным республикам в этом отношении нужны особенно высокие темы. Между тем здесь, в частности, в Грузии, издательство очень слабо удовлетворяет потребности писательского актива; особенно сильное отставание по линии выпуска переводной литературы и издания своих и мировых классиков. Факт создания в РСФСР единой издательской базы для художественной литературы не должен оставаться безотрадным и в национальных республиках. Необходимо и здесь со всей решительностью форсировать создание такого же издательства художественной литературы, обеспеченного как материальными средствами, так и политарической базой.

С глубоким удовлетворением отмечает т. Мицишвили, что все затронутые им практические вопросы стоят сейчас в центре внимания внешнеко-партийного руководства Грузии. Личное участие в разрешении этих вопросов т. Берия является гарантией того, что в скором времени грузинская литература сумеет оплатить все счета и творческие «чеки», которых, кстати сказать, накопилось немало.

Тов. Мицишвили ставит также вопрос о творческих группировках. Он считает, что в системе единого союза писателей, руководимого коммунистической фракцией, существование творческих групп — явление вполне закономерное. Вопрос этот достаточно назрел и требует уже определенных практических решений.

В заключение т. Мицишвили вспоминает следующий интересный эпизод: — В 1929 году, после возвращения из Италии, Алексей Максимович по приезде привнес в Грузию. На одной из встреч грузинских писателей с А. М. Горьким, между прочим, также разговор о предполагаемом журнале «Наши достижения», пришлось выступить и т. Мицишвили. — Я находился тогда, — говорит т. Мицишвили, — под чрезмерно ласковой охоткой товарищей из РАППа, и это настроение отразилось в моих словах. В первом же номере журнала «Наши достижения» Горький остановился на моем выступлении, характеризует его как «отсутствие надежды, а может быть и вранья», который «всемерно и вполне объективно грубый шаг давнейшей парижской власти на культуру написанности».

— И роль М. Горького как организатора этих побед в данном случае исключительно велика. — Без всякого лиризма, со всей искренностью я должен сказать, что в рапсовский период нам, беспартийным советским писателям, действительно трудно было говорить, что все социалистические достижения являются и нашими достижениями. Но сейчас вопрос, политий мною в беседе с Горьким в 1929 году, разрешен жизнью, партией и мудрым советским писателем. — Мы одна, единая сила перед всем миром, — восклицает т. Мицишвили, — пусть об этом знают и друзья и враги!

ности наших художественных произведений, по пути овладения искусством художественного изображения нашей великой эпохи во всей ее сложности и многогранности. Нас волнуют вопросы художественного стиля, вопросы сюжетного построения наших произведений, социалистического реализма, художественной полно-

ценности языка, словом, все то, чем живет сейчас советская литература. Если бы лет 20 назад вооруж белорусских поэтов, мечтавших и ратовавших за возрождение своего народа, представился каким-либо образом съезду писателей о наших белорусских достижениях. Но мы на этом не останавливаемся. Мы хотим идти вперед по пути совершенствования наших художественных произведений, по пути овладения искусством художественного изображения нашей великой эпохи во всей ее сложности и многогранности. Нас волнуют вопросы художественного стиля, вопросы сюжетного построения наших произведений, социалистического реализма, художественной полно-

Равно это не уменьшает ценности языка, словом, все то, чем живет сейчас советская литература. Если бы лет 20 назад вооруж белорусских поэтов, мечтавших и ратовавших за возрождение своего народа, представился каким-либо образом съезду писателей о наших белорусских достижениях. Но мы на этом не останавливаемся. Мы хотим идти вперед по пути совершенствования наших художественных произведений, по пути овладения искусством художественного изображения нашей великой эпохи во всей ее сложности и многогранности. Нас волнуют вопросы художественного стиля, вопросы сюжетного построения наших произведений, социалистического реализма, художественной полно-

РЕЧЬ тов. МИКИТЕНКО

Мы можем считать талантливым только такого писателя, который хорошо видит нашу действительность, правильно ее понимает и верно ее изображает, выявляя при этом какой то свой определенный литературный характер, пронизывающий

всего творчества данного писателя. А таких писателей мы можем насчитать очень немного. Максим Горький потому и стал великим писателем пролетариата, что, приходя в литературу, он принес в нее свою особую философскую концепцию, свою убежденную идею, отвечающую на многие мучительные вопросы современности. Мы часто вырабатываем свой творческий характер в процессе своего творчества. Илья Эрнбург, например, давно пишущий писатель, только в последнее время четко определил свой литературный характер. И если такой писатель, как Киринов, во всех своих произведениях неизменно выражает свой крепкий творческий характер, то Олени, например, еще только ищет такой характер и своего творчества. У нас часто называют талантливым писателем и такого автора, который умеет сверкнуть эффектной деталью или концовкой художест-

венного произведения. Но это ведь еще не основное. Нужно еще поставить вопрос о содержании этих произведений. У нас есть и ряд молодых писателей, прежде всего писателей-коммунистов, которые стоят на пути к выражению своего видения действительности творческого характера. Это — единственно правильный путь, и пусть послужит для нас всех блестящим примером великий своеобразный мастер пролетарской литературы — Алексей Максимович Горький, проявляющийся даже в таких отличных друг от друга произведениях, как «Дело Артамоновых» и «Жизнь Клима Самгина».

Чуждая нам теория об обязательности некоего духовного косячества, художественного сомнамбулизма талантливого писателя имеет до сих пор своих сторонников и среди советских литераторов. На это нельзя забывать, что Алексей Максимович Горький правильно дал ответ сторонникам этой теории, подчеркнув, что творчество писателя — это строго логический отбор лучших в данную минуту знаний. К сожалению, еще очень редко современные книги обогащают нашего читателя конкретными знаниями, еще недостаточно внедрено в сознание писателя правильное понимание вопроса о ведущей роли мировоззрения.

Тематика нашей литературы огромна, — говорит далее т. Микитенко, — и мы не остаемся интроитной ни одну тему нашей современности, но темы, которые мы разрабатываем, не раскрыты еще нами до конца. И в частности, первая ликвидация остатков капитализма в сознании людей нашей страны выдвигает перед нами тему новой морали. Наряду с положительными образами нашей эпохи мы должны показать и антропологический образ последнего человека. Благодарная задача создания такого сатирического образа не разрешена еще, в частности, нашей драматургией.

— Нас ждет упорнейший труд, чтобы выполнить те великие задачи, которые ставит перед нами наш революционный съезд. И мы сумеем их выполнить только в братском интернациональном единении литераторов Советского Союза, под руководством партии и во главе с великим вождем международного пролетариата т. Сталиным.

РЕЧЬ тов. ФЕФЕРА

— Я счастлив заявить с этой исторической трибуны, — начинает свое выступление т. Фефер, — что еврейская советская литература, вместе с остальными литературами народов Союза, начала новую страницу своей истории.

Еврейскую советскую литературу читает и любит далеко за пределами Советского Союза. Она имеет влияние на еврейских писателей, находящихся в Польше, Америке, Аргентине, Франции, Бельгии и ряде других стран. Писцы Лурье, Вейворка, Купнирова с успехом идут в театры Нью-Йорка, Парижа, Буэнос-Айреса. Писцы Харика, Гофштейна, Маркина, Квитко распевают веда, где живут и работают еврейские рабочие.

Большую роль в борьбе за советскую еврейскую литературу сыграла марксистская критика. Здесь несомненно заслуги т. Литвака, Броштейна, Дульца, Добрушина, Эрика и др. И все же критика наша отстала от наших требований.

Да и в самой еврейской советской литературе есть недостатки, хотя, несмотря на это, смело можно сказать, что еврейская литература любой буржуазной страны стоит ниже еврейской советской литературы.

Основной недостаток наш тот, что временами пишем мы случно и мелко, тогда как не было права сказать, писать о нашей красоте и величии нашей жизни. И все же крупнейшие мастера, работающие в капиталистических странах, не могут нас переиграть. Шолом Аш перешел на язык буржуазного романа. Валик, крупный талант в прошлом, за два десятка лет ничего не дал. Мейк, символист, повторяет сам себя.

Взоры лучших людей сейчас обращены к нам, к нашей литературе. В то время, как мутная волна антисемитизма захлестывает страны капитализма, советская власть выделяет самостоятельную еврейскую область — Еврейскую литературу. Еврейские писатели нашей страны, многие из еврейских писателей — буржуазных стран приезжают к нам, многие рабочие из Палестины, удирая из-под сапога английского империализма, едут в Гибриджан.

Еврейские советские писатели любят свою родину. Мотивы родины, тема родины не новы в еврейской литературе. Буржуазные писатели очень много писали о родине, в частности Блик и Фрут, залившие слезами всю еврейскую литературу. Они писали о потерянной родине, о разрывном Петербурге, но это была буржуазная любовь, потому что Палестина никогда не была правдой еврейского трудящегося масс. Палестина была родиной еврейских шарей и английских эксплуататоров, а сейчас она является колонией английского империализма.

ПРЕНИЯ ПО ДОКЛАДУ А. М. ГОРЬКОГО И СОДОКЛАДАМ

РЕЧЬ тов. ЧУКОВСКОГО

«Хочу не поправлюсь, как старый ворос управляет неуспешным тележуром. Он выпрыгивает из тележки, а сам сидит в тележке, как старый ворос...»

«Все это было написано в виде 3 больших картинок в детском отделе одной из самых распространенных английских газет «Дейли Экспресс» 2 и 3 августа. Написаны под псевдонимом были вполне откровенные о том, как хозяин заставляет слугу делать работу ослы. Уже во время съезда мне пришлось несколько раз говорить о нем...»

И, конечно, тут же за той же страшице, восхваляющей типичнейшую модель великобританского флота и с восторгом сообщая, как много добычи награбили в Испании и Южной Америке герои британской колониальной политики сэр Френсис Дрейк — работоторгов, авантюрист и пират.

Куда здесь прежний знаменитый юмор Эварда Лира, Теркнера, Луис Керара и других гениальных создателей классической детской книги? Нет уже в Англии Эварда Лира и Луис Керара. Им некуда деться теперь, когда последние остатки мелкого буржуазного гуманизма, при котором они жили в эпоху Виктории, рухнули лавино в тартарары, остались отголоски цинизма, бесплодный по своей внутренней сущности.

Вот сейчас опротивел тиражом вышла сказка Гайларта «О волшебной гонимой». Эта книга написана на такую же лживую и горькую тему, что великий творец неспешно любит больше дарования Гайларта, должен прямо указать ему на ту стилистическую фальшь и бессмысленность, которой грешит вся эта книга. Но нет, все хваляло его и все превозносило его в печати.

Вот еще беда в нашей детской словесности — это медлительность печатания книг. В СССР с детской книгой у нас в СССР все обстоит благополучно? Наряду с преимущественными книжками, которыми мы в праве гордиться перед Европой, мы все еще издаем книгу хлама и еще не достигли того, чтобы эта книга уменьшилась. Недавно, как я уже указывал в газете, в этой книге оказались даже владислав Пугачев, Григорьев, Бомарше, изданные Московским Детским издательством, которые, как вы знаете, так и не вышли в свет.

Только что вышел «Робинзон Крузо» с прекрасными рисунками Кардовского. В одной главе Робинзон говорит — жалко, что у меня не было денег, будь у меня денег, я бы справился с этим делом гораздо скорее. А на картинке, иллюстрирующей эту страницу, так и лезет в глаза доплат. (Смех, аплодисменты). Редактор этого не заметил, а дети замечают.

Я уже указывал в печати, что детский журнал «Мурзилка», возманившийся позаниматься с творчеством Льва Толстого, начавшая для этого сказку Алексея Толстого. (Смех).

ЛИТЕРАТУРА СОВЕТСКОЙ ТУРКМЕНИИ

СОДОКЛАД ТАШ-НАЗАРОВА

Октябрьская революция сбросила двойной гнет с туркменских Туркмени. Стремление к грамоте, к культуре сразу стало массовым явлением. Этот невиданный поход за культуру, этот великий отдаленнейший азмы страны, с верных же шагов возмужав страсти в устной народном творчестве и одновременно являясь мощным стимулом создания новой советской литературы.

Произведения молодых советских поэтов и писателей Туркмени, особенно раннего периода, являлись связаны с фольклором. Но если старое народное творчество было пропитано патристическим, то новое, советское творчество — это творчество свободное, творчество, которое не знает рабского страха и одновременно является мощным стимулом создания новой советской литературы.

Произведения молодых советских поэтов и писателей Туркмени, особенно раннего периода, являлись связаны с фольклором. Но если старое народное творчество было пропитано патристическим, то новое, советское творчество — это творчество свободное, творчество, которое не знает рабского страха и одновременно является мощным стимулом создания новой советской литературы.

На заседании 20 августа с содокладом о туркменской литературе выступил т. Таш-Назаров.

Содоклад т. Лахути — о литературе Таджикистана будет помещен в ближайшем номере «Л. Г.»

РЕЧЬ тов. ЭРЕНБУРГА

Границы нашей страны проходят не только в пространстве, они проходят также во времени. Наши иностранные гости сейчас совершают поездку в машине времени. Они видят страну будущего. Наряду с остатками прошлого, с нашей глубочайшей отсталостью, с нашим провинциализмом они видят фундамент нового мира.

Говорю это, я думаю не столько о наших технических гигантах, о нашем метро, сколько о наших людях. Мы не машинами удивляем сейчас мир, мы удивляем мир теми людьми, которые делают эти машины. (Аплодисменты).

Чтобы понять положение писателя в нашей стране, нужно вспомнить о том, в каких условиях живут теперь писатели по ту сторону рубежа. Я видел в Париже, в Праге немецких писателей, только что убежавших из тюрем или концентрационных лагерей. Их рабочие комнаты разгромили, книги сожжены, они лишены возможности говорить со своим народом.

Теперь, когда мы, советские писатели, собираемся здесь, чтобы прямо и смело говорить о наших победах и наших неудачах, когда мы можем о наших успехах говорить с теми, кто стоит на «континентальном мостике», это время в германской тюрьме сидит большой и честный писатель Людвига Ренн. (Аплодисменты).

Я вчера слышал рассказ китайской писательницы Бу-Ван-Чи, которая находится сейчас у нас, рассказ о том, как заключенный живя в земляной китайской революционной пещерке, являлся неслыханным простым и страшным словом.

Среди нас — немецкий писатель Бредель, который провел полтора года в концентрационном лагере. (Аплодисменты).

Среди нас я вижу здесь молодого друга, словачского писателя поэта Ноговского и вспоминаю, что когда я был в Словакии, мне говорили, что он сидит в тюрьме и там пишет лирические стихи. (Аплодисменты).

Но, товарищи, и в тех странах, где литература еще не посажена под замок, положение писателя не на много лучше. Разве не горюют на своей стране так действительно всемирная любовь, которой окружен Максим Горький? (Аплодисменты).

Когда крупнейший писатель современной Франции Андре Жид мужественно заявил, что вся его жизнь теперь связана с надеждами на наше строительство и на нашу страну, — какими оскорблениями и какой клеветой покрывали его в родной стране!

Можно вспомнить, какой моральной изоляции подвергся большой, отважный и честный писатель Р. Роллан.

Буржуазного писателя можно сравнить теперь с великодушным фабрикой. На фабрике нет сырья. У писателя много всего — и традиции, и типологии, и прекрасной бумаги; он лишен одного — людей. Люди — дефицитный товар. Я, разумеется, говорю не о балетных танцовщицах, — они хранят все завоевания человеческой культуры, но как совместить Гете и Гейбелея, Бальзака и Дебюсси? — Они должны довольствоваться иллюзорной жизнью, — увлекательные и никому ненужные списки на полях книги. Литература не может жить исключениями.

Гениальный поэт нуждается в Иване Ивановиче Иванове. Если общество не поставит писателю достойного материала, литература превращается в изучение патологических случаев.

Что делают писатели того умирающего мира? — В такой то раз они переставляют пинцетом мертвого героя, ища путем Пруста; другие, разбирая крохотную деталь, отличающую

один прирост от другого, всю свою творческую жизнь посвящают описанию этой детали, и это называют индивидуализмом.

У нас во многом нетехника — в мастерстве и в бумаге. Зато у нас есть о чем писать. На нашу долю выпала редкая задача показать тех людей, которые еще никогда не были показаны. Этого ждут от нас миллионы по ту сторону рубежа. Ни пиффы, ни газетки не могут заменить в этом художника.

Товарищи, мы собрались на этот съезд не для взаимных приветствий, для работы. И я хочу теперь откровенно говорить о том, что мы сделали и чего мы не сделали. Меня могут спросить: почему вы по ряду литературных занятий большую часть времени последние годы проживаете за рубежом. И я слышал разговоры о том, что этот образ жизни мне мешает увидеть нашу работу. Было бы неуместно, за простоту глупо доказывать, что мне все ясно и понятно. В моей жизни и много раз об этом. Мне трудно себе представить путь писателя, как ровное, гладкое и хорошее шоссе. Оно для меня бесспорно: я русский советский писатель. (Аплодисменты). Это моя радость, это моя гордость. (Аплодисменты). Мы кое-что сделали, но мы еще далеко не всего достигли. Наш новый человек куда богаче, тоньше, сложнее, нежели его тесть на страницах книг. Вместо телой, вбурившей жизни, войной органической биографии, у нас то и дело получается декларация, снабженная карточкой ударики и десятком общезвестных мыслей.

Буржуазный роман, вырвавшись из-под опеки одностороннего показа героя. Я говорю при этом не о великом Мопассане, а о каком-нибудь мальчике Андре Моруа. В вулгарном романе наших дней герой занят чем? Он любит. Он любит удачно или не удачно, лениво или рьяно, но эта любовь остается условной, так как нельзя понять страсти человека, не видя его. Жизнь людей на свете не осталась, а люди не лишние что-то делают. И чтобы понять их любовь, нужно прежде всего знать их жизнь.

Наша литература грезит другой деформацией. Слово и ритм мы владим людей только в пехал или в направлении холмоза. Леза стройки превращаются в ультра-театральные подмостки. Человек изобретен от всей своей жизни. Почему удивник не может быть мечтателем? Скажите, о чем он думает в выходной день, глядя на рабь реки? Разве британцы не способны ревновать, любить, грезить? У старика может умереть дочка, и нельзя посвятить описанию кауфюров двести страниц, а этому делу — строчки сухих, как записки ЗАГСа?

Наше общество — живые люди, они трудятся, борются, любят, пелуют, читают книги, фантазируют, иногда чувствуют, ревнуют, они живут. И они так же не походи на классических ударинок из некоторых наших книг, как не походи их забытые и заочастные прелезы на галантиках пастушков дестарика.

Многие из наших авторов живут по ту или меньшую сторону рубежа. В показе живого человека куда легче опуститься, нежели в повторении односторонних деклараций. Поглядите буржуазное общество — молодой писатель там должен пробивать стенку лбом. У нас он поставлен в прекрасные условия — это наша гордость и вы понимаете, что менее всего я склонен против этого протестовать: я только хочу сказать, что легкость пути на некоторых писателях

Пусть художественное развитие — это долгий цивилизационный путь. Наши критики сделали бы куда более полезное дело, если бы вместо похвалы ударинок над писателями они занялись бы теорией современной прозы, проблемой нашей поэтики, всей совокупностью того, что мы называем, еще не видя при этом точных контуров, по чувству всю грандиозность явления, — социалистическим реализмом.

Многие из наших неудач объясняются перенесением не только терминологии, но и практики индустрии. В области, достаточно от нее отличные. Художественное творчество не похоже на стройку металлургического комбината. Мы слышим индустрию: у нас столько то писателей и эти столько то писатели написали столько то книг. Так можно говорить о тоннах чугуна, а не о романах. Для статистики «Война и мир» — это одна единица всего нашего. (Смех аплодисменты).

В отличие от буржуазного, наше социалистическое общество помогает молодому, талантливым писателям расти и развиваться. Но писатели это не ширпотреб. Нельзя подходить к работе писателя с меркой строительного темпа.

Я вовсе не о себе хвастаю. Я лично понимаю, как кроличья (Смех), но я оставляю право за словниками быть беременными дольше нежели кроличья (Смех).

Когда я слышу разговоры — почему Бабель пишет так мало, почему Олеша не написал в течение столько-то лет нового романа, почему нет новой книги Пастернака и т. д. — когда я слышу это, я чувствую, что не все у нас понимают существо художественной работы. Есть писатели, которые видят медленно, есть другие, которые пишут медленно. Это не достоинство и не порок, — это свойство, и нельзя трактовать таких писателей как «ленивый или как художника, уже опустошенного».

Я слышу также разговоры: был писатель прежде кустарь-одиночка, надо заменить его коллективом. Я этого просто не понимаю. Живой писатель нашей страны неизбежно и

★ Ветра на утреннем заседании съезда выступила с приветствием Лягушка учителя Сталинского района. Написал бы краткое: — Больше художественных книг, чтобы обогатить дело воспитания культурного, смелого, инициативного поколения! — Вот звуки фанфар и оркестра стройным маршем пошла (на вечернем заседании) делегация московских писателей.

★ Один из интереснейших моментов вечернего заседания — появление делегации московского гарнизона и речь представителя делегации т. Ильичева. Мы люди, оживляющие не только военной техникой, но и всей современной мировой культуры, люди, которые изучают лучшие образцы классической литературы, чтобы быть еще более вооруженными в нашей борьбе за новое бесклассовое общество. Мы любим наших советских писателей, они помогают нам учиться, овладевать техникой, лучше познать нашу жизнь, нашу действительность. Особенно любим мы и ценим нашего величайшего пролетарского писателя Алексея Максимовича Горького.

★ Дорогой Алексей Максимович, — обращается т. Ильичев к Горькому, — трудом сформировавшему свое волеизъявление — бойца московского гарнизона призывали мне передать вам, что они любят вас, верят вам, понимают вас, ибо вы пишете просто, правду и ясно. Буря аплодисментов, восторженных возгласов прерывает оратора. Затем т. Ильичев продолжает: — Но мы, товарищи, пришли не только для того, чтобы засвидетельствовать вам свою любовь, свою сим-

патии, мы пришли, чтобы вы знали, что мы не только пишем, но и делаем. Мы не только пишем, но и делаем. Мы не только пишем, но и делаем. Мы не только пишем, но и делаем.

★ Ветра на утреннем заседании съезда выступила с приветствием Лягушка учителя Сталинского района. Написал бы краткое: — Больше художественных книг, чтобы обогатить дело воспитания культурного, смелого, инициативного поколения! — Вот звуки фанфар и оркестра стройным маршем пошла (на вечернем заседании) делегация московских писателей.

★ Один из интереснейших моментов вечернего заседания — появление делегации московского гарнизона и речь представителя делегации т. Ильичева. Мы люди, оживляющие не только военной техникой, но и всей современной мировой культуры, люди, которые изучают лучшие образцы классической литературы, чтобы быть еще более вооруженными в нашей борьбе за новое бесклассовое общество. Мы любим наших советских писателей, они помогают нам учиться, овладевать техникой, лучше познать нашу жизнь, нашу действительность. Особенно любим мы и ценим нашего величайшего пролетарского писателя Алексея Максимовича Горького.

★ Дорогой Алексей Максимович, — обращается т. Ильичев к Горькому, — трудом сформировавшему свое волеизъявление — бойца московского гарнизона призывали мне передать вам, что они любят вас, верят вам, понимают вас, ибо вы пишете просто, правду и ясно. Буря аплодисментов, восторженных возгласов прерывает оратора. Затем т. Ильичев продолжает: — Но мы, товарищи, пришли не только для того, чтобы засвидетельствовать вам свою любовь, свою сим-

патии, мы пришли, чтобы вы знали, что мы не только пишем, но и делаем. Мы не только пишем, но и делаем. Мы не только пишем, но и делаем. Мы не только пишем, но и делаем.

★ Ветра на утреннем заседании съезда выступила с приветствием Лягушка учителя Сталинского района. Написал бы краткое: — Больше художественных книг, чтобы обогатить дело воспитания культурного, смелого, инициативного поколения! — Вот звуки фанфар и оркестра стройным маршем пошла (на вечернем заседании) делегация московских писателей.

★ Один из интереснейших моментов вечернего заседания — появление делегации московского гарнизона и речь представителя делегации т. Ильичева. Мы люди, оживляющие не только военной техникой, но и всей современной мировой культуры, люди, которые изучают лучшие образцы классической литературы, чтобы быть еще более вооруженными в нашей борьбе за новое бесклассовое общество. Мы любим наших советских писателей, они помогают нам учиться, овладевать техникой, лучше познать нашу жизнь, нашу действительность. Особенно любим мы и ценим нашего величайшего пролетарского писателя Алексея Максимовича Горького.

★ Дорогой Алексей Максимович, — обращается т. Ильичев к Горькому, — трудом сформировавшему свое волеизъявление — бойца московского гарнизона призывали мне передать вам, что они любят вас, верят вам, понимают вас, ибо вы пишете просто, правду и ясно. Буря аплодисментов, восторженных возгласов прерывает оратора. Затем т. Ильичев продолжает: — Но мы, товарищи, пришли не только для того, чтобы засвидетельствовать вам свою любовь, свою сим-

патии, мы пришли, чтобы вы знали, что мы не только пишем, но и делаем. Мы не только пишем, но и делаем. Мы не только пишем, но и делаем. Мы не только пишем, но и делаем.

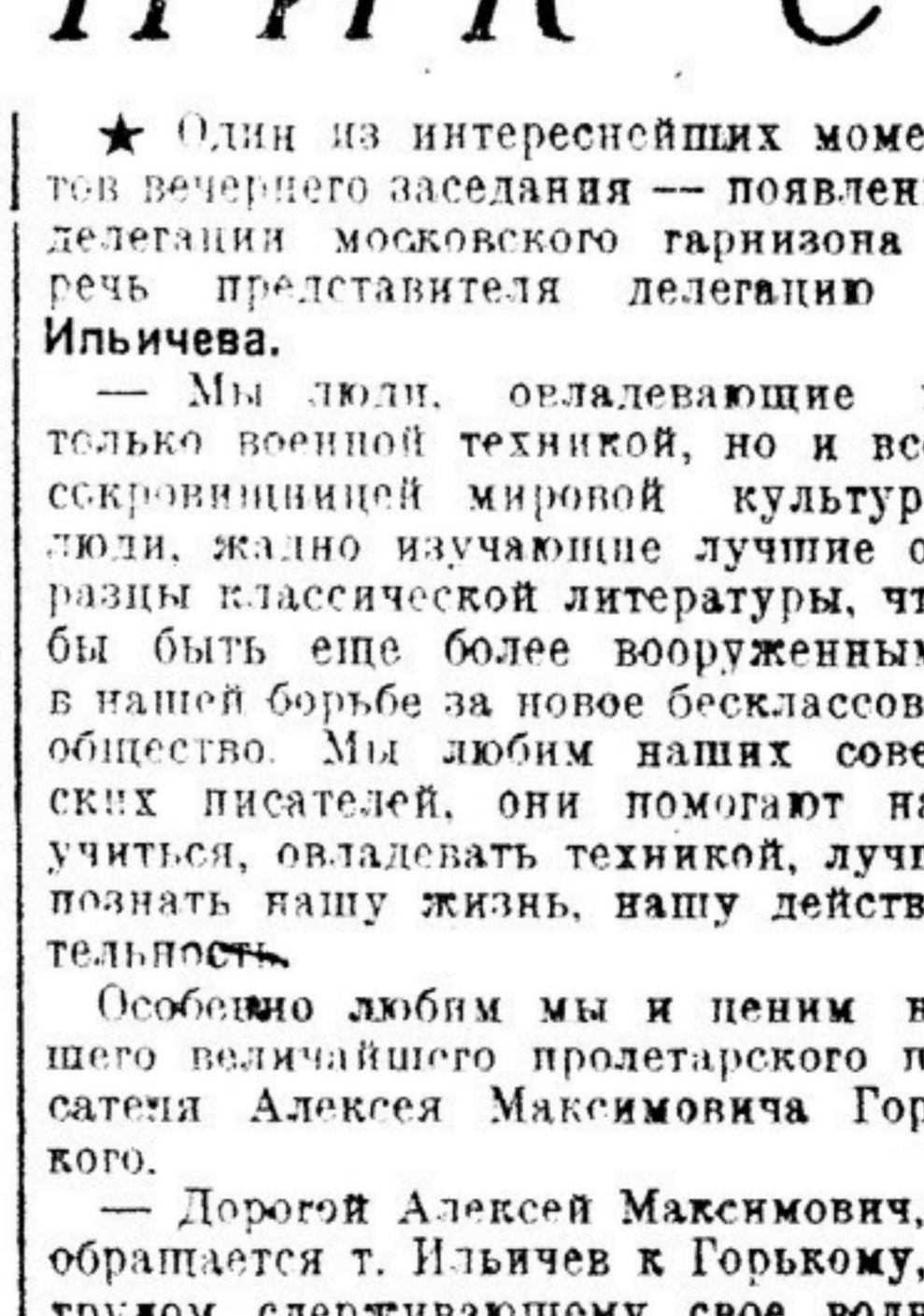
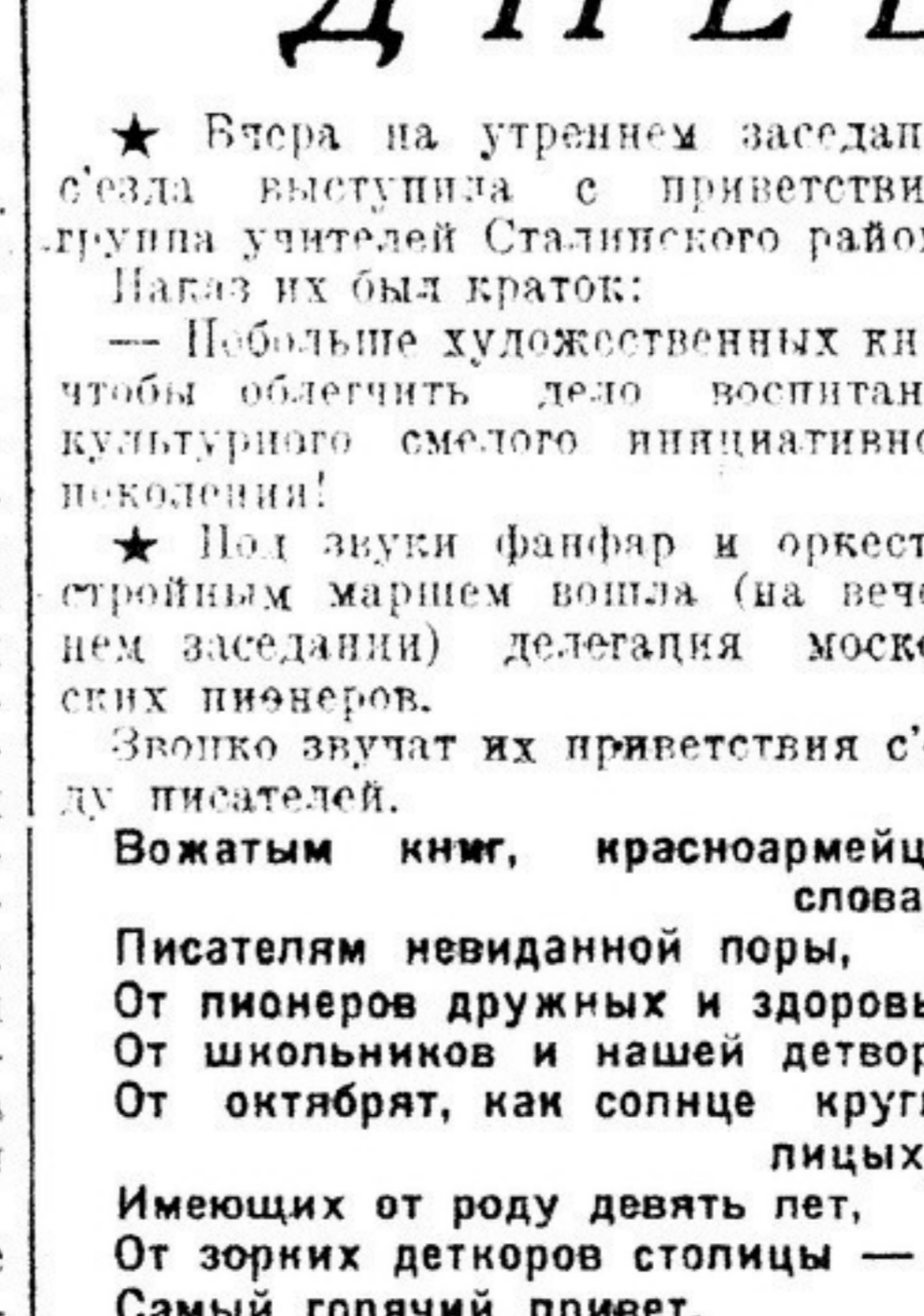
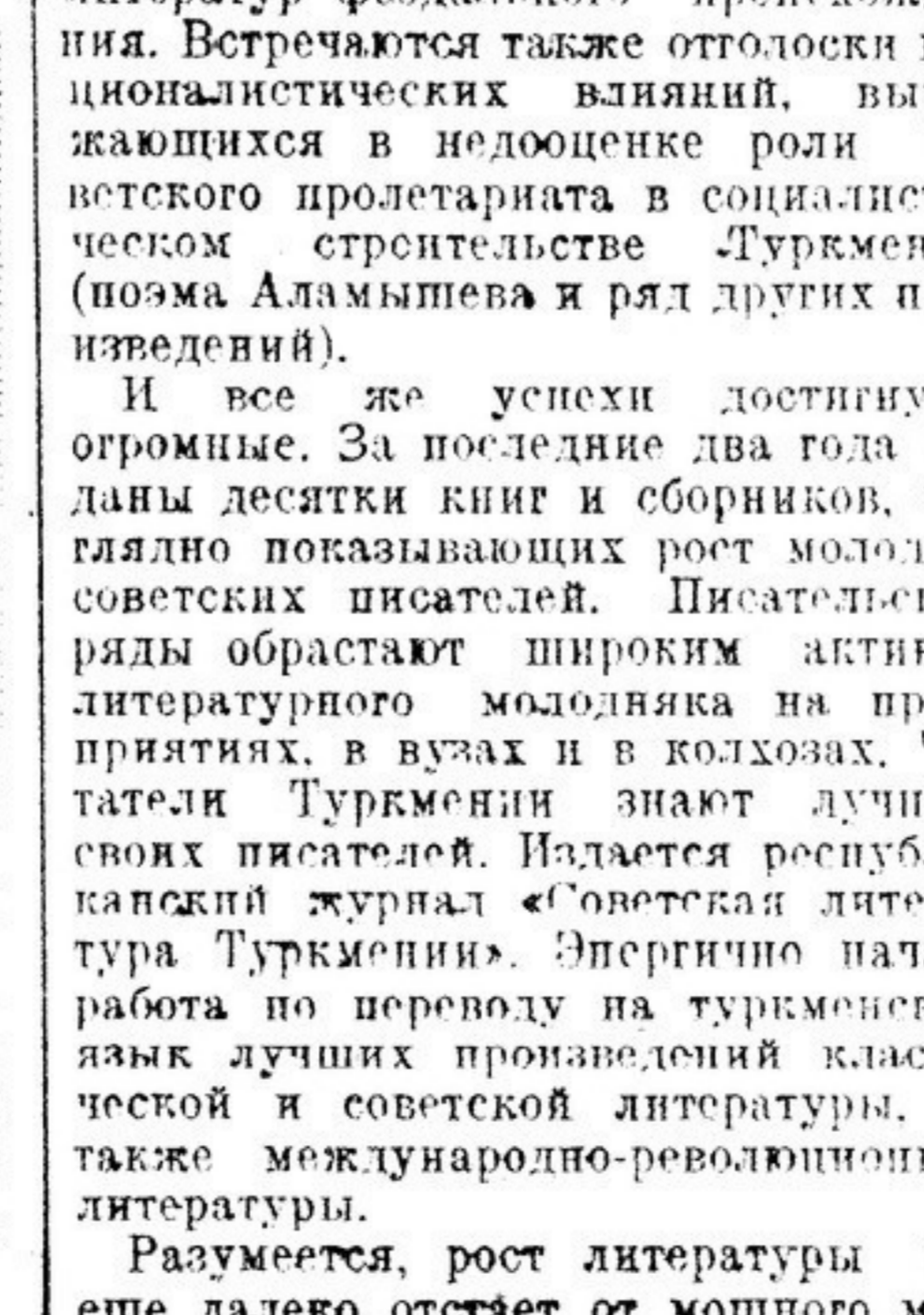
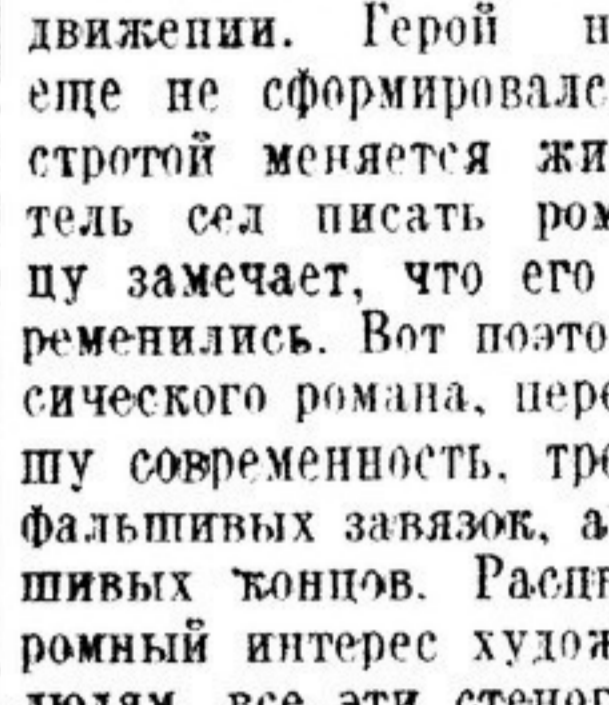
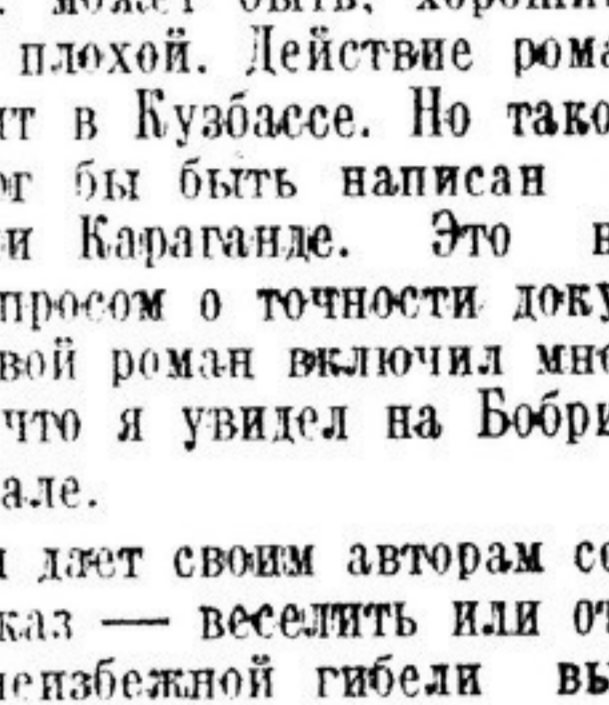
★ Ветра на утреннем заседании съезда выступила с приветствием Лягушка учителя Сталинского района. Написал бы краткое: — Больше художественных книг, чтобы обогатить дело воспитания культурного, смелого, инициативного поколения! — Вот звуки фанфар и оркестра стройным маршем пошла (на вечернем заседании) делегация московских писателей.

★ Один из интереснейших моментов вечернего заседания — появление делегации московского гарнизона и речь представителя делегации т. Ильичева. Мы люди, оживляющие не только военной техникой, но и всей современной мировой культуры, люди, которые изучают лучшие образцы классической литературы, чтобы быть еще более вооруженными в нашей борьбе за новое бесклассовое общество. Мы любим наших советских писателей, они помогают нам учиться, овладевать техникой, лучше познать нашу жизнь, нашу действительность. Особенно любим мы и ценим нашего величайшего пролетарского писателя Алексея Максимовича Горького.

★ Дорогой Алексей Максимович, — обращается т. Ильичев к Горькому, — трудом сформировавшему свое волеизъявление — бойца московского гарнизона призывали мне передать вам, что они любят вас, верят вам, понимают вас, ибо вы пишете просто, правду и ясно. Буря аплодисментов, восторженных возгласов прерывает оратора. Затем т. Ильичев продолжает: — Но мы, товарищи, пришли не только для того, чтобы засвидетельствовать вам свою любовь, свою сим-

патии, мы пришли, чтобы вы знали, что мы не только пишем, но и делаем. Мы не только пишем, но и делаем. Мы не только пишем, но и делаем. Мы не только пишем, но и делаем.

★ Ветра на утреннем заседании съезда выступила с приветствием Лягушка учителя Сталинского района. Написал бы краткое: — Больше художественных книг, чтобы обогатить дело воспитания культурного, смелого, инициативного поколения! — Вот звуки фанфар и оркестра стройным маршем пошла (на вечернем заседании) делегация московских писателей.

Мингрельские Вечера

Уже полсолнца в море. Так олень,
Бросаясь в плаву, по груди уходит в воду.
Но тополя мингрельских деревьев,
Как девушки, толпою ждут захода,
Наряженные в шепсел во весь рост,
Когда занат весь пурпур свой засолит,
Он из-за брызг седых морских борозд
По розе и каждой манушке приколлет.
С мотыгами стоят крестыне в ряд,
И до зари не шумевших вдоволь,
Оскоря, как девушки, стоят,
Что дом, то двор, и сумерки да топья.
Бывало, состязаясь с соловьем,
Под тополя такие звал я музу.
Теперь не то: не тополь воспоем—
Взмотыженный гектар под кукурузой.
Передаваясь по его ноуру,
Колхозники в поту поют надури:
Надури было ледам понуру
И нам в работе дружной по натуре.
Лишь соловей, усевшись вдалеке,
Единоличник в доле щенотливой,
Трещит вовсю на сливовом сучке,
Весь истеная мленьем спелой сливы.
Приморский ветер остужает грудь,
Певца с огнем неугаемым в зове,
И руки вместе сгибают сомкнуть
Разросшиеся тени и деревья.
В сторонке, злобы доверху полна,
Кличет старуха век, что так напорист,
И отгоняя дали с полотна,
Вдали на всех парах проходит поезд.

III
Пастух пригнал быков на водопой.
Речное устье клином входит в море.
Топ по мосту, мычанье, разнобой.
В деревне рядом — сирин ворот в затворе.
Со два реки на водную гладь
Всплывает перевернутое стадо.
Прощай, теньми скланая кровать.
Ходи кругом, когда уснуть бы надо.
Гоня валы теченью вперенор,
Плывут быки. Звон колокола дальний
Сквозь дальний лай собака зовет на сбор.
И плеск стоит в теньми стланой спальне.
С такой природы пахарь бы хотел
Сорвать небес и облаков лохмотья,
Чтоб телом всем обнять ее предел
И покорить, поспорив с ней в работе.
Чтоб вывезть ночь в просторы без болот,
Как буйволос. Спящий соня с лявдой,
Уме в деревню с ревом входит снот,
Как бы мыча об агусте и жатве.
Нисходит ночь. Звезды вечерней ртуть
Засыблилась. Тяжля тишь в просторе,
Что страх дохнут. Такая тишь, что жуть
Встревожить посевшей мрамор моря.
Лишь всплеску ненастью не лень
Сосать песок. Лишь в девичьем уборе
Оскоря мингрельских деревьев,
Толкая вдали, толпою таят к морю.
Такая ночь. Так волно. Чаг такой.
Теперь дано обнять в единении
Звезде в лесу с пеною морской.
Природе, натерпевшейся гонений.
Отныне обещается покой.
В смарагда моря падают сапфиры,
Как будто ночь баланной вязью слез
Сказала сноп из всех сонюшек мира.
Вдали вальд моря гонит паровоз.

Перевод с грузинского БОР. ПАСТЕРНАКА.

Надури — хоровая песня грузинских крестьян.

КАКИМ ДОЛЖЕН БЫТЬ ТЕАТРАЛЬНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ?

Мнение Джей Лэйда, американского театрального критика, одного из тех, на кого должен быть рассчитан театральный фестиваль Интуриста, необходимо учесть при составлении программ будущих фестивалей. Только тщательно продуманная и хорошо организованная программа фестивалей сможет действительно ознакомить иностранного зрителя с подлинными достижениями нашей театральной культуры.

— Я возражаю против объявленной Интуристом программы московской театральной олимпиады (сентябрь 1934 г.) по двум основным причинам: во-первых, потому что она никак не является отражением репертуара московских театров, так как выбор пьес весьма неудачен. Во-вторых, потому что программа составлена с расчетом на самый малокультурный тип туриста, а это должно неизбежно повлечь за собой разочарование многих театральных работников программы фестиваля, и с другой стороны, это привлечет значительный урон следующим, третьим олимпиаде в будущем году.

Окончательная программа Интуриста такова: «Имя Игоря» (Большой театр), «Интервенция» (им. Вахтангова), «Плама Парижа» (Большой театр), «Двенадцатая ночь» (МХАТ II), «Негетенок и обьязана» (Детский театр), «Севильский цирюльник» (театр им. Станиславского), «Дама с камелиями» (им. Мейерхольда), «Оптимистическая трагедия» (Камерный), «Любовь Яровая» (Малый), «Егор Булычев и другие» (МХАТ I).

Будучи абсолютно уверен в том, что программа Интуриста не отражает достижений московского театрального сезона 1934 г., я позволил себе составить другую программу, пользуюсь при этом советами и мнениями некоторых товарищей, театральных работников и критиков. Моя программа следующая: «Евгений Онегин» (Большой), «Егор Булычев и другие» (им. Вахтангова), «Кармен» (Шуганский), «Бойцы» (Малый), «Пуштенские Вениамини III» (Влутский), «Двенадцатая ночь» (МХАТ II), «Мой друг» (театр Революции), «Катерина Измайлова» (театр им. Н. Я. Маршала), «Машинка» (Камерный), «Дама с камелиями» (театр им. Мейерхольда), «Негетенок и обьязана» (Детский театр), «Мать» (театр Красной Пресни), «Дни Турбины» или «Воспоевье» (МХАТ I).

Уполн. Главлита В-91222.

ДЖЕЙ ЛЭЙДА

В культурах с'езда.

ТЕМАТИКА БУРЖУАЗНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПОСЛЕВОЕННОГО ИМПЕРИАЛИЗМА

ГЕОРГ ЛУКАЧ

Разница в тематике литературы империалистического периода и литературы прежних периодов не подлежит никакому сомнению. В то время как литература восходящего буржуазного развития трактовала в широких обобщениях и глубоких анализах основные социальные и идеологические проблемы эпохи, с годами идеологического упадка все реже и реже затрагиваются именно эти проблемы.

Правда, в самом начале послевоенного периода появились несколько значительных беллетристических произведений, авторы которых стремились разоблачить в основном вопросе современности — мировой войне. Но преобладающая часть этой литературы, за малыми исключениями, не отражает реальных проблем объективно революционных ситуаций этого отрезка времени, а лишь обиходную безыскусность интеллигентной среды, оступившейся в тунике капитализма после мировой войны, без каких-либо ясных представлений о социализме, который был призван прийти на смену истекшему историческому периоду (утопия как тему находим мы в романах Делбуза, в драмах Георга Кайзера).

Тематическое развитие буржуазной литературы послевоенного периода также чрезвычайно неравномерно. Между попытками энергичной критики капиталистической системы, хотя бы и со спутанной идеологией, за первый период послевоенных лет, с одной стороны, и порождением зловещей и развращающей под влиянием социалистического строительства в Советском союзе критики капитализма после возникновения кризиса, с другой стороны, лежит период «относительной стабилизации». Абстрактный пафосизм, абстрактное бунтарство против капитализма и также абстрактное отчаяние перед культурой (мировое влияние «Заката Запада» Шпенглера) захватывают с концом «относительной стабилизации», и кажется, будто все входит опять в свою привычную колею. Большинство буржуазных писателей заключают мир с капиталистическим обществом. Снова рисуют они «объективно» будни, которые их окружают, мелкие проблемы буржуазной и мелкобуржуазной будней (Новая вечность).

Но и это развитие происходит на базе загнивающего монополистического капитализма. «Спокойствие» и «порядок» не являются действительным порядком и спокойствием. Чистые алогизмы капитализма, правда, верят в спокойствие и порядок или во всяком случае они делают вид, будто верят. Но настоящие писатели слишком чувствительны в отношении различных симптомов, которые дают себя знать в будничной жизни, чтобы изображать их как признаки объективной беспособности, вновь и вновь всплывающие на уровне относительной стабилизации. Так как все разлагающиеся тенденции империалистического периода дают себя знать также и в годы «относительной стабилизации», и даже усугубляются, настоящие художники в своих произведениях не могут действительно верить в «спокойствие» и «порядок» (наиболее показательно это в американской литературе у Драйзера и Первуза Андерсона).

Восхождение империализма как тему, — явления единичные (Киплинг). Все успешнейший паразитизм империалистического развития ослабляет также социальную критику лучших писателей. Герих Манн справедливо указывает на то, что величие писателя зависит от того, сколько правды переносит его класс. И так как буржуазия послевоенного империализма, собственно говоря, вообще не переносит никакой правды, создается неминуемо все усиливающийся напор на тех писателей, которые идеологически не могут всецело отказаться от буржуазии.

Лучшие буржуазные писатели, пока они остаются на буржуазных позициях, страдают глубоким разочарованием. Со страстностью развешивают они все буржуазные доверия и идеи, а невозможность найти какой-нибудь выход ведет их к изображению причудливых единичных явлений, индивидуальных проступков и т. д. (тема преступлений и преступников у таких писателей, как Драйзер, Жид, Вассерман и др.).

Возникают отчаянные поиски нового, и при невозможности найти это новое на буржуазной почве наиболее честные и лучшие писатели начинают за старые, буржуазные даваемые-давно оставленные идеалы «демократии» и «гуманизма» (например, Герих Манн). Социально-критический реализм превращается все более и более в метафизическое, полное отчаяния, описание упадка (Томас Манн, Голсуорси).

По этой тенденции обращается на основе империалистического паразитизма в бегство от действительных проблем современности. Это бегство сказывается даже в таких произведениях, непереносимой тематикой которых является социальная критика. Например, Синклер Льюис заканчивает свой роман «Мартин Аппенду» бегством от общества в «природу». Изображение неуязвимого отпора буржуазии заканчивается у Томаса Манна и Голсуорси психологическо-биологической мистикой индивидуальности. Но бегство от социальных проблем и борьбы принимается часто тематически новые и своеобразные формы. Писатели ищут тему, которую уже с самого начала искусственно изолирована от подлин-

ной жизни и от действительных битв современности. Так, например, Томас Манн и Гамсуа переносят события в самотории. Так возникает, в особенности в годы «относительной стабилизации», в массовой форме исторические романы и репортажи.

Преобладающей формой этого бегства является все же психологизм. Психологические тенденции имелись в течение всего периода распада буржуазного общества. Но лишь за последние годы психологизм стал определенной тематикой.

Литературно высоко стоящие писатели этого направления удовлетворяют основные потребности империалистической буржуазии: они рисуют определенные психологические качества империалистической буржуазии, как «вечные» качества «человека». Они таким образом не только отходят от социальных проблем современности, но и стилизируют ее проходящие явления, превращая их в «космические», общепонятные начала. Наилучшая и наиболее видных представителей этого направления честная тенденция к субъективной правдивости в изображении психологии лишь усугубляет внутреннюю ложность такого искаженного изображения мира.

Эта многогранность тематика (и творческих методов) буржуазных писателей послевоенного империализма развивается на фоне борьбы этих писателей с собой: велики их отчаяние и отчаянные поиски выхода, социально и идеологически они окружены империалистическим паразитизмом, из цепей об этой которого могут освободиться лишь интеллектуально, морально и творчески наиболее высоко стоящие люди. Почти всем виднейшим писателям этого периода присуще истинное отчуждение современного буржуазного общества, и у многих из них оно доходит до чувства ненависти. Однако этот инстинктивный антикапиталистический инстинкт не мешает им, например, Стефану Георге пошел от ненависти против капитализма прямой дорогой к фашистской идеологии. Вернад Шюа колеблется между предположением перед фашистским «разрешением» и коммунистическим выходом из по-

ВЕРА ИНБЕР Страна говорит

Величиной орла, но мощен вместе с тем,
Оттенка серебра и влаги,
На алыи стоп президума сеп
Аэроплан, подарок ЦАГИ.
И мы, писатели, глядим на семь винтов,
На руль, на место для пилота.
И так и кажется, что он сейчас
Пройтись над нами брешет
полетом.
Что он, не посмотрев на детский
рост,
Взлетит над головами делегаций,
И в гладких крыльях будет ко-
лебаться
Сверканье пюстр, как зерна малых
звезд.
Юпитер освещает горяче
Его крылатые ключицы.
И вот, устав, он Ленину садится
На белое, под пальмами, плечо.
И в этот час, таков, каков он есть,
Блестит крыло над залом критиче-
скими тихими
И голосом взволнованной тишины
Страна как будто говорит: «Я
здесь».
И если ты на час перо утратишь,
(Случается, что устают сердца),
Я поддержу, мой друг, и мой чита-
тель,
Своим плечом твою крыло птенца.

ЧТО НАМ ДАЛ ДОКЛАД А. М. ГОРЬКОГО

РОСТОВ-ДОН. (От наш. спец. корр.) Речь Алексея Максимовича Горького о советской литературе произвела огромное впечатление на писателей края. Вечера в кабинете рабочего-автора Прохвата молодые писатели, совместно с литкружком Ростсельмаша обсуждали доклад великого пролетарского писателя. В прениях особо отмечали анализ, данный Горьким истории буржуазной культуры. Это заставит не только нас, но, возможно, и зарубежных писателей по-новому оценить пути развития культуры человечества. Все выступления подчеркивали важность указания Алексея Максимовича о социалистическом индивидуализме, развивающемся в условиях коллективного труда. Эти четкие мысли А. М. Горького развевт опасения наших друзей Запада, которые иногда сомневались в возможности индивидуализма в условиях социалистического общества. Приветствуя повышенные требования к нашей критике, молодые писатели края ставят вопрос о воспитании критиков из рабочей среды.

Мы выдвигаем ряд товарищей, способных осветить трудное мастерство критика, и просим редакцию «Литературной газеты» взять шефство над нами.

Особенно восторженно встретил аудитория предложение Алексея Максимовича о написании молодыми писателями истории своего края.

Яркие моменты истории Азово-Черноморья уже написаны Серафимовичем в его мощном «Железном потоке». Ставкин в политически заостренных очерках о классовой борьбе на Кубани. Эти образцы художественного мастерства будут служить нам примером, как надо работать над историей нашего края.

Молодые писатели и литкружочки заверяют с'езд, что доклад Алексея Максимовича станет настольной книгой каждого молодого рабочего-автора.

По поручению литгруппы Ростсельмаша и кабинета рабочего-автора Прохвата
САФРОНОВ, ВЕРХОРОБЕНКО, КОТЕНКО, СИМОНОВ, ШИРМАН, КУРИЛОВ, КАПЛАНИН, ЛАЗАРЕВ, КУЛИК, НЕЗНАМОВ.

ПОПРАВКИ

В № 107 «ЛП» на четвертой полосе под статьей «Военная песня» выпала подпись — А. Суриков.

В подлин автор статьи «Вопросы организации литературного языка» ошибочно вачелено — С. Шюа. Автором этой статьи является Розалия Шюа.

Ответственный редактор
А. А. БОЛОТНИКОВ.
ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное объединение.

РЕДАКЦИЯ: Москва, Сретенка, Последний пер., д. 26, телеф. 69-61 и 4-34-60.
ИЗДАТЕЛЬСТВО: Москва, Стрелецкой бульвар, 11, тел. 4-68-18 и 5-34-69.

А. С. ПУШКИН

Историко-литературные, критические, публицистические и полемические статьи и заметки и приложения к ним. В 2-х книгах.
1498-У стр. 1-х т. Изд. Акад. наук СССР 1929-29 гг. Цена за обе книги с пересылкой 10 р. Для отдал. районов стоим. увелич. соответств. все посылки (4 кр.).
Заказы направлять: Ленинград, 104, «Международная книга».

ПРИНИМАЕМ ПОДПИСКУ НА МАССОВЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

РОСТ

ЛУЧШИЕ РАССКАЗЫ, ОЧЕРКИ И СТИХОТВОРЕНИЯ МОЛОДЫХ ПИСАТЕЛЕЙ, СИСТЕМАТИЧЕСКИ РАЦИОНИЗИРУЮТ ЛУЧШИЕ ГИЗОВЕДЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ, ЗАКОМЛЕТ СВОИХ ЧИТАТЕЛЕЙ О ЛУЧШИХ ОБРАЗАХ И РЕВОЛЮЦИОННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ЗАПАДА, ПОМОЩАЕТ ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТАТЬИ О ТВОРЧЕСКОЙ РАБОТЕ КЛАССИКОВ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

КАЖДОМУ МОЛОДОМУ ПИСАТЕЛЮ И ЛИТКРУЖКОВЦУ. КАЖДОМУ БИБЛИОТЕКАРЮ И КУЛЬТАКТИВИСТУ.

ПЕЧАТАЮТСЯ ОБЗОРЫ ЛИТСТАНИИ, СТАТЬИ ПО ЛИТЕРАТУРНОЙ УЧЕБЕ, СТАТЬИ, ОСВЕЩАЮЩИЕ ОПЫТ РАБОТЫ ЛУЧШИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ КРУЖКОВ.

ПРИСУНКАМИ КРУПНЫХ СОВЕТСКИХ ХУДОЖНИКОВ.

В 1934 г. «РОСТ» выходит два раза в месяц в удвоенном объеме по сравнению с 64 страницами.

Подписная цена: 12 мес.—12 р., 6 мес.—6 р., 3 мес.—3 р.

ЦЕНА НОМЕРА 60 КОП.

ЖУРГАЗОВЕДИНИЕ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА БИБЛИОТЕКУ РОСТ

Выходит с апреля месяца книжками объемом в полтора-два печатных листа, печатает заочные произведения, повести, рассказы, поэмы и стихотворения молодых писателей.

Библиотека «РОСТ» оформляется оригинальными гравюрами художника Н. Швердлова.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: 12 мес.—3 р., 6 мес.—1 р., 30 к.

Цена отд. книжки 50 к.
Требуйте в книосна Союзпечати.

Подписка принимается: Москва, 6, Стрелецкой бульвар, 11, Жургазовединение, инструкторами и уполномоченными Жургаза, посредством почты и отделениями Союзпечати.
ЖУРГАЗОВЕДИНИЕ.

ПРАВИЛА ПРИЕМА НА РЕЖИССЕРСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ ВЫСШЕГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ИНСТИТУТА КИНЕМАТОГРАФИИ

НА 1934—1935 УЧ. ГОД

(Декабрьский набор)

Постановлением Главного управления кино-фотопромышленности при Совнаркоме СССР Московский институт кинематографии реорганизован в Высший государственный институт кинематографии, ставший своей задачей подготовку высококвалифицированных творческих работников советской кино по специальностям: режиссура, операторского мастерства и кинодраматургии.

Институт будет функционировать в составе двух факультетов: режиссерского (взрослого типа), с 2-летним сроком обучения, и операторского (взрослого типа), с 4—5-летним сроком обучения, и одногодичных сценарных курсов.

Настоящие объявления правил приема на режиссерский факультет действительны с ноября 1934 г.

Примечание. О сроках и правилах приема на операторский факультет и сценарные курсы будет объявлено особо.

1. На режиссерский факультет принимаются творческие работники кино и театра, имеющие образование или самообразование в объеме высшего художественного учебного заведения и не менее двухлетнего стажа работы по режиссуре.

2. Прием на факультет производится по конкурсу в объеме курса по: 1) драматургии и сценарию, 2) истории ВКП(б) и революционному движению в России, 3) истории прогрессивных искусств, литературы, театра и кино в истории кино.

Кроме того поступающие представляют на рассмотрение специальные комиссии материалы по своим режиссерским работам (жестколетный просмотр постановок) и подвергаются испытаниям по теории и практике режиссуры.

3. Испытание по теории на режиссерский факультет должны представлять в институт следующие материалы: 1) подробную авторскую историю с указанием места, объема и продолжительности творческих работ и области искусства, в особенности режиссерской работы и кино или театра; 2) анкету, заполненную по установленной форме; 3) копию документов об образовании; 4) копию военного билета; 5) копию фотографии; 6) дополнительные материалы по специальности; 7) отзывы о творческой работе в кино и театре; 8) отзывы партийных и профессиональных организаций об общественной работе; 9) две фотографии.

4. Прием заявлений будет производиться по 15 ноября 1934 г.

5. Приемные испытания с 10 по 25 декабря. Начало занятий с 1 января 1935 г.

6. Принимаются и число слушателей обеспечиваются стипендией, размером до 250 рублей в месяц, и общежитием.

7. Для оказания помощи желающим поступить на факультет при поступлении организуется консультационное бюро, куда подлежат обращаться во все дни сранками по поводу условий приема, программы и пр.

8. Приемные заявления не рассматриваются в институт до получения от кандидата письменной причинной декларации.

9. Заведение адресовать: Москва 46, Ленинградское шоссе, д. 442, ГИИ, Приемной комиссии.

Директор института Н. ЛЕБЕДЕВ.